

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

Аброськин
Земля, залитая
Кровью.

✓

Н
ВС
УК
22
7

539

32 ВВ | Аброськин
А 16 |
Земля, залитая
кровью

МБА 17/х Адрианов

000. 1063 г.

~ 20.04.05

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТНАЯ КОМИССИЯ
ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С. Аброськин
В. Нейно
М. Сергеев

К 32.В.6
А-16

ЗЕМЛЯ,
залитая кровью

до 1951 г.

ПРОВЕРЕНО

ОБЛАСТНАЯ
ПОТЯГА

Р. в. Ю. 22

ВОРОНЕЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

1944

00

Зсс дх

+

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Руины и пепелища на месте цветущих городов и сел	5
II. В фашистской неволе	10
III. О тех, кого угнали на немецкую каторгу	22
IV. За колючей проволокой	30
V. Кровь, зовущая к отмщению	35
VI. Верность родине	60

02 29/1

Копия в архиве
1940 г. 10.10.40

Пройдут годы и десятилетия, пройдут века, но в памяти советского народа навсегда останутся кровавые дни нашествия Гитлеровских орд на нашу родную землю. Никогда не забудут и не простят советские люди потока крови и слез, безысходного горя и мучений, причиненных им немецко-фашистскими захватчиками.

Тяжелые испытания пришлось пережить и жителям западной и юго-западной части Воронежской области, временно оказавшимся в плену фашистских бандитов.

Захватив в первой половине июля 1942 года 30 районов Воронежской области и правобережную часть города Воронеж, немецкие захватчики около полугода хозяйничали здесь, устанавливая свой „новый порядок“, основанный на автомате и штыке, на виселице и плетке.

За это время фашисты замучили и расстреляли десятки тысяч мирных жителей. Сотни тысяч советских людей были изгнаны из родных мест, тысячи юношей и девушек отправлены в Германию на немецкую каторгу.

Поставив своей целью захват советских земель и порабощение свободного советского народа, враг сознательно и планомерно истреблял наших людей, расхищал наши богатства, уничтожал культурные и исторические ценности.

Всеми средствами пытались немецкие поработители вытравить из души русского человека

его национальное самосознание, память о великом историческом прошлом нашей страны, любовь к родине; хотели заставить его навсегда забыть, что он гражданин великого Союза Советских социалистических республик. До уровня животного стремились они низвести советских людей, чтобы легче было властвовать над ними.

Сейчас, когда воронежская земля очищена от немецко-фашистских банд и жители освобожденных районов самоотверженно трудятся над восстановлением того, что разрушено и уничтожено злобным врагом, перед нашими глазами во всей своей потрясающей широте встает картина чудовищных преступлений, совершенных гитлеровцами за время полугодового пребывания в городах и селах Воронежской области.

I.

Руины и пепелища на месте цветущих городов и сел

Охваченные безграничной злобой к советской социалистической стране и ее народу, по-звериному ненавидя нашу культуру и науку, фашисты, захватив Воронеж, сделали все для того, чтобы превратить цветущий советский город в развалины и пепел. Они разрушали заводы и фабрики, водопровод и электростанции, мельницы и элеваторы, сооружения и путевое хозяйство железнодорожного узла и трамвая, вузы и школы, больницы и детские учреждения, музеи и библиотеки, театры и кино.

Чувствуя непрочность своего положения в городе, гитлеровцы планомерно уничтожали его. Особенно неистовствовали фашистские мерзавцы перед своим отступлением из Воронежа в январе 1943 года. В эти дни они уничтожили все лучшее, что еще оставалось в городе после их полугодового пребывания в нем. Они взорвали прекрасное здание Обкома ВКП(б) и Облисполкома, Дворец пионеров, Управление Юго-Восточной железной дороги. Заложив взрывчатку в массивные стены Воронежского государственного университета, они превратили этот храм

науки в груды битого щебня и исковерканного металла.

За шесть с небольшим месяцев своего пребывания в Воронеже фашисты превратили в пепелища и руины 90 процентов жилого фонда города. В слепой ярости гитлеровские варвары разбили и увезли памятник гению человечества — Владимиру Ильичу Ленину и памятник Петру I.

Только здесь — в одном Воронеже, фашистские оккупанты уничтожили наших народных богатств более чем на пять миллиардов рублей.

Такие же страшные следы разрушений оставили немецко-фашистские оккупанты и в других городах и селах Воронежской области. Они целиком уничтожили город Коротояк, разрушили центр Богучара, обезобразили Острогожск. Многие десятки сел Дона срывали с землей и превратили в сплошные развалины. Только печные трубы и остатки кирпичных стен и фундаментов остались на месте многих зажиточных колхозных сел этих районов.

Всего по области гитлеровцы уничтожили более 64 тысяч жилых зданий. Они разрушили или привели в негодность все лечебные учреждения и 1090 школьных зданий.

Фашистские бандиты нанесли огромный ущерб нашим колхозам и совхозам.

Захватив западные районы области, гитлеровцы сразу же в своих приказах объявили о том, что вся колхозная земля и колхозное имущество переходят в собственность германской армии и немедленно приступили к разграблению советского добра.

Жадно смотрели гитлеровские людоеды на богатые хлебные поля наших цветущих колхозов.

Немецкие бандиты скрывались в нашем городе и селах.
(Снимок найден у убитого немецкого солдата).

В первые же дни оккупации они широко распространили приказ о том, что „все зерно немедленно, после начала молотбы, должно ежедневно, включая воскресные и праздничные дни, привозиться для сдачи на ближайший пункт, по крайней мере на семи подводах, нагруженных по меньшей мере пятьюстами килограммами каждая“.

Принудив колхозников в Ново-Калитвянском районе начать обмолот хлеба, оккупанты объявили им, что „этот хлеб пойдет для германской армии“, а потому они приказывают „весь обмолоченный хлеб складывать в колхозные амбары и хранить до распоряжения“.

В тридцати подвергшихся оккупации районах области гитлеровцы отобрали у колхозников и в колхозах более 58 тысяч лошадей, 34 410 голов крупного рогатого скота, 53 тысячи овец и коз, более 26 тысяч свиней, уничтожили всю домашнюю птицу, разорили почти все колхозные пасеки.

В селе Цапково, Ново-Калитвянского района, оккупанты отняли у колхозников почти всех коров. Они угнали из 184 имевшихся у них коров 168.

Из Белогорьевского района немцы увели более 3 тысяч лошадей, более 3 тысяч голов крупного рогатого скота, свыше 11 тысяч овец и т. д. После освобождения района от фашистов в нем осталось в наличии всего только 20 лошадей и 6 коров.

Чтобы довершить уничтожение колхозного животноводства, оккупанты разрушили и сожгли 2057 колхозных животноводческих построек.

Фашисты разграбили и сожгли многие машинно-тракторные станции и машинно-тракторные мастерские. Значительная часть тракторов и комбайнов была приведена в негодность.

Фашистские мародеры забирают у колхозницы корову.

Организовав в массовом масштабе повседневный грабеж мирного населения, оккупанты вывозили в Германию и отсылали почтовыми посылками все, что им попадало под руку: продукты питания и белье, мебель и посуду, одежду и обувь. Бандиты хотели забрать все, что они находили на временно захваченной ими советской земле—от заводских станков до детских игрушек.

Фашистские мародеры, врываясь в дома мирных жителей, лезли в сундуки, амбары и погреба, забирались на огороды и в сады, хватая то, что им нравилось.

Размеры фашистского грабежа наглядно вырисовываются на следующем примере. В колхозницы Ново-Калитвянского района Солодовниковой фашистские бандиты отняли корову, три овцы, три улья пчел, 150 килограммов меду, 6 кур, 3 центнера хлеба, 30 центнеров картофеля и другие продукты.

Понятно, что жаловаться или как-либо проявлять свое недовольство жителям было запрещено. Когда колхозники Кантемировского района попытались обратиться с жалобой на повседневный грабеж гитлеровцев в фашистскую комендатуру, немцы ответили им: „Мы вас завоевали и что хотим, то и делаем“.

И, действительно, немцы делали на нашей земле все, что хотели. Они творили самые кошмарные преступления, повседневно осуществляли безудержный кровавый разбой, направленный к массовому уничтожению советских людей.

II.

В фашистской неволе

Фашистские оккупанты повсеместно устанавливали для советских людей каторжный режим. Режим этот немцы называли „новым порядком“. В селах Голосновского, Лискинского, Евдаковского и других районов они приказали жителям носить нарукавные повязки с номерами. Советский человек терял для немцев фамилию, имя, отчество. Оккупанты считали его бессловесным рабом, отличавшимся от других таких же рабов только своим номером.

Каждый шаг немецких оккупантов по нашей земле, отмечен зверским надругательством над чувством национального достоинства русских людей. Везде и всюду гитлеровские бандиты с тупой, чисто немецкой наглостью подчеркивали свое мнимое превосходство над русскими людьми.

Грязные, вшивые фрицы—те самые, которые в присутствии женщин и девушек спускали кальсоны и рылись в них, уничтожая сотнями вшей, те самые, которые оправлялись в квартирах, где жили и где обедали,—эти животные в человеческом облике твердили на каждом шагу: „рус—свинья“.

Колхозники села Гнилое, Острогожского района, никогда не забудут, как их оскорбляли немцы. В селе остался один неразрушенный колодец. Около него немцы устроили конюшню. Когда женщины пришли к этому единственному колодцу за водой, их встретил толстый рыжий немец.

— Пошел вон, поганый русь! Вода нет! Вода для лошади немецки.

Женщины молча отошли, переглянулись. Что же это? Оказывается, немецкие кудехвостые лошади не могут пользоваться водой из одного колодца с русскими людьми!.. Нас, русских, немцы лишают русской воды! Затаив в душе лютую ненависть к врагу, женщины пошли за водой на речку.

Так же ярко представители „высшей расы“ продемонстрировали свою скотскую культуру и презрение к русским в Острогожске. Неподдалеку от земской управы гитлеровцы поставили уборную и написали на ней крупными буквами: „Только для немцев! За нарушение — смертная казнь!“.

В этом об'явлении, как в зеркале, отражена культура кровавой гитлеровской Германии, культура людоедов XX века.

— Ми не может жить с русь под одним крыша, — кричали гитлеровские негодяи, — ваш место сарай, погреб.

И бандиты выгоняли наших людей из их собственных домов в подвалы, сараи, погреба или просто на улицу, а сами занимали квартиры рабочих, служащих, колхозников.

— Под угрозой смерти, — рассказывает 65-летняя Мария Ивановна Янова со станции Латная, — немцы предложили нам переселиться в погреб или вырыть для себя землянку. Ну, куда мне, такой старой, рыть землянку... С дочкой и внучатами перешли мы в погреб. Немцы начали хозяйничать. На другой же день они пожрали всех наших кур, а потом увели корову и телку. Дети остались без молока. Запасы продуктов кончились. Семья голодала. Наступили морозы. В сыром, холодном погребе ребятишки разболелись, а ухаживать за ними было некому — все взрослые с утра до ночи работали. Их немцы гоняли чистить дороги или молотить хлеб. Голод и холод, плач и стоны больных ребятишек, темный погреб и вечные окрики немцев... И так день за днем, целых полгода... Вот как мы жили под ярмом немцев.

Так жила не только семья Яновой. Многие тысячи семей в оккупированной части нашей родины испытали на себе, что такое гитлеровский „новый порядок“.

Оккупанты регламентировали каждый шаг советских людей. Наши люди были на положении пленных. Им не разрешалось с наступле-

нием сумерок выходить из домов. Не только на другую улицу, но даже к соседу никто не имел права сходить вечером. Фрицы имели списки жителей каждого дома и проверяли, все ли на месте. И горе тому, в чьем доме оказался лишний человек! Избиениям подвергались все. То же происходило в доме, из которого кто-либо отлучился куда-нибудь.

— Партизанить ушел?—орали взбесившиеся и перетрусившие „завоеватели“ и избивали всю семью „партизана“, требуя немедленно представить на глаза отсутствующего члена семьи.

С наступлением темноты в плененных городах и селах воцарялась тягостная тишина. Люди закрывались в домах, а чаще в подвалах и погребах, куда их выгнали гитлеровцы, и ждали восхода солнца. Мертвую тишину нарушали лишь тяжелые шаги немецких часовых да пьяные голоса гитлеровских офицеров.

Оккупанты часто устраивали общие переключки. Всех жителей села сгоняли в одно место, причем запирали квартиры на замки не разрешалось. И пока комендант вел переключку, его молодчики шарили по домам и забирали все, что им нравилось.

Свой „порядок“ в оккупированных районах немецко-фашистские захватчики поддерживали розгами, автоматом, виселицами.

В Острогжском, Лискинском и других районах были вывешаны „воззвания“ венгерского военного командования, в которых говорилось: „Смертной казни будут подвергнуты те, кто будет ходить из одной деревни в другую, кто будет замечен на улице между 21 и 4 часами...*)

*) Примечание. Приказ был издан летом.

При невыполнении этого приказа хотя бы одним, все жители окрестных деревень будут выселены и заключены в Курский лагерь».

Эту угрозу оккупанты приводили в исполнение с неумолимой жестокостью.

Ворвавшись в село Лиски, Лискинского района, фашистские мерзавцы сразу установили свой „порядок“. В селе начался повальный грабеж. Двунogie звери рыскали из дома в дом, требуя молока, масла, кур, яиц. Те из жителей, которые не понимали языка „высшей расы“, — а такие были почти все, — подвергались страшным избиениям. Не насытившись награбленным, гитлеровцы вскоре отобрали у всех жителей более 400 коров. Доить этих коров оккупанты водили колхозниц под конвоем. Все молоко сдавалось немецкому коменданту.

Через несколько дней бандиты приказали гражданам села взять с собой продуктов питания на три дня и немедленно покинуть село.

— Нельзя себе представить этой страшной картины выселения, не видев ее своими глазами, — рассказывает Лукерья Григорьевна Проханова. — Шел сильный дождь. Палачи прикладами выгоняли из домов женщин и стариков, выбрасывали детей. Душераздирающий крик детей, стоны стариков и больных надрывали сердце. Но разве это могло подействовать на фашистских извергов? Ведь не люди они, и даже не звери, — хуже зверей. Толпу выселяемых бандиты подгоняли нагайками. Били всех — старых и малых. Старик Деревянкин Василий Петрович не мог быстро идти, он еле передвигал ноги. Мадыры избивали его так, что он умер.

На этом кровавые злодеяния захватчиков не кончились. Выселенным запретили возвращаться в родное село. А как не пойти домой, если дети умирают от голода? И люди, обреченные на голодную смерть, шли в родное село, к своим домам, чтобы взять хоть ведро картошки и что-нибудь из одежды для себя и детей.

В начале августа в село пришли 44 женщины с детьми и 2 старика. Всех их бандиты схватили и бросили в темный каземат—дом с забитыми окнами. Без всякого суда и следствия мадьяры погнали „арестованных“ к вырытой в логу яме. По дороге их зверски избивали прикладами, кололи штыками, а затем изуродованных, полуживых столкнули в яму и закопали.

Крики о помощи и стоны истязуемых, искалеченных людей были слышны далеко от места казни. Здесь была растерзана Акулина Васильевна Синельникова, у которой осталось трое детей, из них самой маленькой девочке—полтора года. Из семьи Марии Ивановны Лоленко убиты ее дочь, невестка и внучка. Сиротами остались 12 маленьких детей. Напрасно ждали дети своих родителей. Никто из них из родного села не вернулся.

В каждом районе, побывавшем под пятой немецких оккупантов, найдется немало примеров того, с какой жестокостью расправлялись захватчики с советскими людьми за малейшее нарушение бандитских распоряжений.

19 января 1943 года в селе Городище, Шатовского района, немецкие солдаты и офицеры расстреляли колхозника Н. Ф. Шабанова только за то, что он ехал из одного села в другое.

Колхозницу Марию Ивановну Ишутину из села Прилепы, Коротоякского района, фашистские изверги расстреляли за то, что она без пропуска коменданта осмелилась пойти на мельницу, находящуюся в одном километре от села.

Бесконечно длинен список преступлений кровавых немецких бандитов и их прихвостней.

Повсеместно фашистские оккупанты устанавливали крепостнические порядки, вводили подневольный труд, заставляя советских людей работать по 18 часов в сутки, зверски истязая и расстреливая уклоняющихся от работы.

Гитлеровские носители „нового порядка“ часто использовали советских людей как рабочий скот в буквальном смысле слова. В селе Большие Липяги, Вейделевского района, немцы запрягали колхозников в подводы и перевозили на них различные грузы. Однажды в упряжку немцы загнали тяжело больного М. И. Сотникова. Бессильный, он не мог тащить груженую повозку и упал. Немцы били его, пока он не потерял сознание. Так же издевались немцы и над стариком Д. М. Воронцовым и многими другими.

В селе Андриановка, Алексеевского района, мадьяры согнали на площадь всех колхозников. Комендант, размахивая плетью перед лицами собравшихся, объявил:

— Рабочий день начинается в 6 утра, кончается в вечерние сумерки. Уклоняющиеся от работы будут жестоко наказываться вплоть до расстрела.

Фашистская нагайка гуляла по спинам колхозников. За время господства фашистов в

Андриановке почти все ее жители были подвергнуты телесным наказаниям.

Гитлеровские бандиты воскресили времена мрачного средневековья, они возродили телесные наказания, самым гнусным образом попирая чувство человеческого достоинства советского человека.

Вот что рассказывает девушка П. Моргунова из колхоза имени Сталина, Ольховатского района.

—Я и десять девушек из нашего колхоза не вышли на работу. Об этом староста доложил немецкому коменданту. На следующий день нас повели к сельскохозяйственному офицеру. Разговор был короткий. Комендант приказал избить нас. Из комендатуры нас повели под конвоем в полицию. Один полицейский охранял вход туда, а второй стоял с нагайкой из кабеля. Я поняла, куда попала. Полицейские сорвали с меня одежду и повалили на стол. Один из палачей начал бить. Бил он усердно, изо всей силы. Страшный гнев кипел в моей душе. Я родилась и выросла при советской власти. О том, что в далеком прошлом, еще при крепостном праве, били розгами людей, я знала только из книжек. И вот, меня, советскую девушку, секут, гитлеровские палачи! Изверги вырывали друг у друга нагайку с криком: „Дай я ударю... Я сильнее“. Мне нанесли 25 ударов. Анастасию Вергунову и других девушек били 2 раза, им фашистские палачи нанесли по 50 ударов. Мы не забудем и не простим кровавым бандитам их преступления на нашей земле!

По приказанию немецкого коменданта Форке Геральд в селе Клименково, Ровеньского района,

были зверски избиты колхозники Кузьма Терентьевич Бондарев, Архип Михайлович Волочаев и другие только за то, что утомленные работой они присели отдохнуть.

Не только розгу воскресили фашистские кровопийцы. Они практиковали и другой, еще более жестокий способ истязания советских людей. В Алексеевском и других районах это истязание называли подвешиванием. Тысячи лет назад эту пытку—поднятие на дыбу—применяли палачи при допросе преступников.

Немцы воскресили самые страшные изобретения палачей всех времен и народов. Гитлеровские негодяи подвешивали наших людей за то, что они—русские, советские люди, за то, что они не хотят работать на оккупантов, отказываются выполнять их приказания. „Провинившемуся“ заламывали руки назад, кисти рук связывали вместе одним концом бичевы, другой конец веревки перебрасывали через какую-либо перекладину и подтягивали жертву кверху. Человек испытывал неопишуемые боли. Выворачивались плечевые суставы. Судорогой сводило ноги, ныло все тело. От напряжения из носа шла кровь. Терялось сознание. А палачи то подтягивали истязуемого, то опускали. Когда непокорный приходил в себя, фашистские бандиты били его, приговаривая: „Мы вас научим понимать нас, покажем, как не выполнять приказания немецкого командования!“ И снова подвешивали.

В числе многих советских граждан западных районов нашей области, переживших муки подвешивания—две комсомолки из Ладомировского

района Варя Чернуха и Аня Костыря, гордо принявшие страшную смерть.

30 ноября 1942 года их схватили гестаповцы и увезли в Алексеевку. Девушек пытали больше месяца, били, подвешивали, но ничего добиться не могли. Бандиты нанесли Ане Костыря 26 ран, разбили ей грудь и наконец расстреляли. Варю Чернуха гестаповцы ранили в обе ноги, в голову, разбили череп, выбили глаз и тоже расстреляли. Колхозника сельхозартели им. Орджоникидзе, Алексеевского района, Павла Петровича Гиенко гитлеровцы подвешивали за то, что он отказался работать на немецко-фашистских работодателей. Его подтянули на столбе. Страдания Гиенко видели почти все односельчане. Он висел до тех пор пока горлом хлынула кровь и он потерял сознание.

В селе Березовка, Голосновского района, под угрозой расстрела и виселицы захватчики заставили всех жителей с рассвета до ночи рыть окопы и очищать от снега дороги. За опоздание на работу на несколько минут М. П. Шилину, К. Е. Зотову, Е. Е. Зотову они привязали к столбу и на 35-градусном морозе продержали несколько часов. На груди у женщины были приколоты дощечки с надписью: „Я саботажница“.

За опоздание на работу оккупанты повесили 53-летнюю колхозницу сельхозартели имени Сталина, Голосновского района, Агриппину Сенишкину. В колхозе „Серп и молот“, Евдаковского района, немецко-фашистские бандиты собрали всех колхозников и предупредили: „Кто не будет выходить на работу, с теми мы будем поступать так: отсчитаем десять человек и расстреляем десятого“. Изверги тут же продемон-

стрировали, как это делается. Отсчитали десять человек. Десятым оказался глухой 69-летний старик Степан Иванович Можайский. Он не слышал вызова. Палачи вытолкнули его из строя и расстреляли на глазах у всех собравшихся.

Не только каторжным трудом, но и непосильными налогами душили гитлеровские захватчики советских крестьян. В Ладомирском районе, например, гитлеровские разбойники установили такое обложение: с каждой коровы ежедневно сдавать оккупантам по 3 литра молока и дополнительно каждый месяц по 2 килограмма сливочного масла, с каждой курицы сдавать по 20—25 яиц в месяц. За невыполнение этого налога был установлен штраф 1000 рублей, отбиралось имущество. В Писаревском районе 1 сентября 1942 года земельный отдел издал приказ всем старостам, в котором говорилось: „Ежедневно каждый колхозник, имеющий корову, должен давать 2 литра молока. В год должен дать 700 литров, начиная с 1 сентября 1942 года по 1 сентября 1943 года. С колхозной фермы молоко сдавать все. У колхозников, не выполняющих данного приказа, будут отобраны коровы“.

Как выколачивались эти „налоги“, рассказывает 70-летний колхозник сельхозартеля „Красный Октябрь“, Радченского района, Владимир Тимофеевич Артемов. Немецкий комендант хутора Каразеево Макс отдал приказ: колхозники, имеющие коров, должны сдавать все молоко в немецкую комендатуру. После этого немцы делали подворные обходы и тех, у кого находили хоть каплю молока, сажали на сутки в холодный подвал. Вход в подвал после этого заваливали

кирпичами. Заключенным не давали ни есть, ни пить.

В один из таких обходов фашисты обнаружили молоко в домах Дарьи Болотовой, Домны Толокновой, Терентия Петрова, Ульяны Апалковой и других, кто оставил молоко для малых детей. Гитлеровцы всех этих людей посадили в подвал. Но на этом дело не кончилось. На вторые сутки вечером их вывели на улицу и стали над ними издеваться. Комендант Макс гонял колхозников вокруг дома и избивал их.

Немцы, мадьяры, итальянцы грабили наших людей по „директивам“ и без них. В колхозе „Высокий“, Шаталовского района, оккупанты изранили кинжалами, а затем застрелили 75-летнего Ивана Федоровича Костина за то, что он попытался отстоять свое добро, не давал грабителям мед.

В селе Ездочное, Коротоякского района, гитлеровские негодяи расстреляли Николая Акимовича Белых за то, что он оказал сопротивление мадьярам, тащившим картофель с его огорода.

Обнаглевшим оккупантам казалось, что они завладели воронежскими землями навсегда. В задонские районы стали прибывать немецкие помещики. Они облюбовывали лучшие земли и прибирали их к своим рукам. Земли, политые кровью и потом нашего народа, закрепленные Советским правительством навечно за колхозами, захватывали фашистские душегубы.

В живописнейшее место Острогожского района, в один из крупных садоводческих совхозов нашей страны—„Госплودопитомник“—прикатил из Германии помещик Гусак. Как и всякий фриц, Гусак был жаден и бесконечно нагл. Ему пока-

залось мало совхозной земли и он приказал прирезать к ней еще 300 гектаров от земли соседних колхозов „Красный герой“, имени Кирова, „20-й год Октября“ и имени Кагановича. „Господин помещик“ нажимал на подготовку к севу. Но... не для него пришла весна.

Совхоз „Победа“, Острогожского района, захватил немецкий барон Мельцель. За короткое время своего хозяйничанья в совхозе барон показал, что такое немецкое имение на русской советской земле. Мельцель в качестве рабочей силы использовал сто военнопленных красноармейцев. Эти невольники жили в жутких условиях, ежедневно подвергались избиениям. Такая же участь ожидала крестьян, примыкающих к совхозу деревень,—всех тружеников нашей области, если бы Красная Армия не вышвырнула из ее пределов гитлеровских бандитов и прочую немецкую нечисть, пришедшую закабалить советский народ.

III.

О тех, кого угнали на немецкую каторгу

Немецко-фашистские захватчики рассматривали советских людей оккупированных районов как своих рабов. Они угнали в фашистскую неволю десятки тысяч советских граждан. Из Гремяченского района немцы увели в рабство 169 человек молодежи в возрасте от 15 до 25 лет, из Семилукского района—331 человека, Голосновского—1208 человек, Землянского—1123 человек и т. д. и т. д. Бесконечно длинен спи-

сок жертв немецких оккупантов. Как много матерей льют слезы по своим дочерям и сыновьям, увезенным работорговцами в проклятую Германию!

Гитлеровские бандиты сначала пытались угон советских людей в рабство организовать „на добровольных началах“. Они из кожи лезли, расхваливая „прелести“ гитлеровской империи, не жалея красок, расписывали, как хорошо будет жить тот, кто завербует на работу в Германию. Все средства агитации были пущены в ход. Фашистские газетенки, плакаты, объявления кричали об одном и том же, приглашая молодежь и квалифицированных рабочих поехать в Германию. Охотников не было. Немецкие господа свирепели, угрожали. Но от этого „вербовка“ не подвигалась вперед. Никто не верил бандитам. И тогда волки сбросили маску и начали действовать по-своему, по-волчьи. Под угрозой смертной казни немцы стали сгонять молодежь и трудоспособное взрослое население и под конвоем уводить в рабство.

Осенью 1942 года жители села Гремячье, Гремяченского района, пережили страшные дни. Из дома в дом, из землянки в землянку рыскали шайки гитлеровцев. Они осматривали молодежь и самым крепким и сильным приказывали выходить на улицу для отправки „по мобилизации“.

Бандиты ворвались в хату М. Е. Телковой. Измерив наглыми глазами 15-летнюю Марию, они приказали:

— Быстро собираться! Отправка Германия!
Мать и дочь залились слезами.

— Прекратить плакать, — закричал бандит. —
За отказ выполнить приказание расстреляем на месте!

Фашистские душегубы насильно вытащили Марусю из хаты и сдали верховым полицейским, которые гнали по улице большую партию молодежи на станцию Старый Оскол.

— Провожать детей, — рассказывает М. Е. Телкова, — гитлеровцы никому не разрешали. Тех, кто пытался идти следом, бандиты страшно избивали и прогоняли назад. Спустя несколько дней мы узнали, что наших детей немцы в Старом Осколе загнали в свинарник, закрыли на замок и в грязном, холодном сарае продержали три дня. Потом погрузили в вагоны и, как рабов, увезли в Германию. Не проходит дня, чтобы я не вспомнила о своей дочке Марусе, не бывает такого дня, чтобы я не плакала о ней родной, любимой...

Такую же страшную повесть рассказывает колхозница сельхозартели „Пролетарий“, Гремяченского района, Е. В. Телкова.

— Как только ворвались немцы в наше село, — говорит она, — все мы стали бесправными и немцы делали с нами, что хотели. Вскоре они собрали нас под силой оружия и, как скот, погнали в Курскую область. В начале ноября в хатенку, в которой мы временно остановились, как бешеные ворвались жандармы. Они сразу же объявили моей дочке Раисе: „Ты мобилизована для отправки в Германию“. Тут же и зачитали приказ, в котором говорилось: „В случае неподчинения или побега будет повешена не только сама, но и все остальные члены семьи“, а сами уже наставили штыки и командуют: „Иди, а то тут же расстреляем“. Горько заплакала Рая. Вся семья залилась слезами. А что им, бандитам, наши слезы? Они, звери, только и разрешили

взять ей немного сухарей, вытолкнули из хаты и вместе с такими же девушками-невольницами погнали на станцию Горшечное. Тридцать верст я шла вслед за дочкой. Но немцы-звери так и не дали мне подойти к ней, поговорить в последний раз и попрощаться. На станции девушек загнали в холодные вагоны с забитыми окнами. В дверях стояла строгая охрана. К эшелону никого не подпускали. Провожающие, стоя поодаль, плакали навзрыд. Из вагона доносились душераздирающие крики, стоны и рыдания. В этот раз немцы увозили в рабство более шести тысяч молодых ребят и девушек.

— Минул год, как я не вижу своей любимой дочери Раи. Будь они трижды прокляты, немецкие насильники!

Угон в рабство советских людей сопровождался всюду дикими надругательствами немцев над своими жертвами.

Жители Голосновского района М. М. Стребкова, М. И. Пашкова, А. Д. Валенбахова, С. Т. Гуцин, А. К. Золотых рассказывают, что при уводе в рабство жителей Голосновского района немцы жестоко избивали всех, кто отстаивал. Анна Дмитриевна Стребкова заболела в пути и идти не могла. Ее муж Д. П. Стребков попросил немцев подвезти жену на телеге до села Верхотопье. За эту „дерзость“ немцы избили Стребкова и его жену, которая потеряла сознание. Стребков нес жену на своих плечах шесть километров до села Верхотопье, где она в тот же день умерла, не оправившись от побоев.

Голосновцев погнали дальше. В лагере на станции Касторная, которая была крупным пересыльным пунктом для угоняемых в рабство

советских людей, немцы создали невыносимые условия. Люди жили под открытым небом, по три-четыре дня не получали никакой пищи и вынуждены были есть сырую свеклу. От истощения, а также болезней, вызванных антисанитарным состоянием лагеря, дождями и холодами, ежедневно умирало много людей.

Об этих же ужасах рассказывает колхозница сельхозартели „12-й год Октября“, Березовского района, Анастасия Андреевна Швырева, пережившая муки фашистского плена.

— В начале июля 1942 года немцы ворвались в наше село Нижняя Верейка. Всех жителей они выгнали из села и погнали на запад.

За Днепром, в Кировоградской области, нас распределили по деревням и заставили работать на немцев. Тех, кто не выполнял норму, беспощадно били, многих повесили на глазах у народа. Вешали и приговаривали, что со всеми так будут делать, кто не учтет этого урока.

Но самое же страшное произошло в октябре 1942 года. Немецкие бандиты согнали, как стадо скота, из разных районов тысячи людей в город Кировоград. Туда пригнали и всех, выселенных из нашего села, Нижняя Верейка. Жандармы выстроили всех невольников в колонну по 6 человек. Тут были старики и старухи, молодые девчата и ребята и женщины с детьми на руках. Эту многотысячную колонну полицейские повели на „комиссию“. А „комиссия“ эта — комендант и несколько жандармов — стояла тут же на улице.

Колонна проходила мимо коменданта. Он указывал пальцем — кого надо вывести из строя. Жандармы хватили того за рукав и отводили

захваченных в плен бойцов Красной Армии. Трупы расстрелянных красноармейцев немецкие палачи привязали к железной ограде Петровского сквера для устрашения жителей, не успевших покинуть город. Расстрелы военнопленных производились также на улице Марата у здания деточага, где разместился штаб одной из немецких частей. 7 июля 1942 года здесь было расстреляно 15 пленнх бойцов, а 9 июля—еще 6. Немецкие бандиты раздевали свои жертвы, а трупы их зарывали в окопе за углом деточага.

Июльские и августовские дни 1942 года останутся в памяти жителей Воронежа неизгладимым кошмаром. Город, оказавшийся во власти фашистских преступников, содрагался от выстрелов, криков и стонов истязуемых, убиваемых людей.

На улице Пролетарской культуры на огороде дома № 2 немцы схватили местного жителя Ивана Васильевича Соловьева, избили его, потом отвели в штаб немецкой части, помещавшейся на улице Рабочий Проспект, и там расстреляли.

8 июля на Пролетарской улице против дома № 46 на глазах у местных жителей был расстрелян фашистскими автоматчиками слесарь завода имени Дзержинского Василий Николаевич Симонов, а также проживавший на той же улице в доме № 50 гражданин Павлов и третий мужчина, фамилию которого установить не удалось. Трупы расстрелянных в течение четырех дней валялись на мостовой. Немцы не разрешали хоронить их.

Проживавшая на улице Степана Разина в доме № 30 Серафима Афанасьевна Виноградова в этот же день видела на улице Цурюпы труп старика

лет 60, которого немцы сперва расстреляли, а потом облили бензином и подожгли. Неподалеку лежали еще двое мужчин, убитых немцами.

9 июля на улице Освобождения Труда возле дома № 6 немцы расстреляли местных жителей — Тихона Григорьевича Плаксина, Арсентия Сергеевича Попова и Сергеева. В тот же день на этой улице возле дома № 3 была убита немцами гражданка Полоскова.

Как правило, расстрелы производились без всякого следствия и суда, преимущественно на улицах, в садах и других общественных местах. Трупы расстрелянных или совсем не убирались или сбрасывались в щели, воронки и наспех присыпались землей.

Улицы города были покрыты виселицами. В Студенческом городке против корпуса № 7 на телеграфном столбе были повешены два человека. Личность первого установить не удалось, вторым был Гавриил Митрофанович Толстых, арестованный, якобы, за попытку поджечь немецкий штаб, помещавшийся на улице Десятилетия Октября. Перед казнью немецкие палачи подвергли его зверским избиениям и издевательствам, принуждая самого надеть себе на шею петлю.

На улице 20-летия Октября возле маслозавода на светофоре немцы повесили конструктора завода № 16 Андреева.

На Пролетарской улице на воротах дома № 32 немцы повесили 5 мирных советских граждан. Чудовищные обстоятельства этой казни дают представление о тех методах, к которым прибегали фашистские негодяи, чтобы терроризировать население города, сломить его патриотиче-

ский дух. 9 июля 1942 года немцы согнали на улицу Дурова к помещению штаба немецкой части около 50 человек жителей близлежащих улиц. Из штаба вышел комендант и потребовал, чтобы ему назвали имена коммунистов и указали, где скрываются партизаны и не успевшие отступить из города бойцы и командиры Красной Армии. Но ответом ему было молчание, — среди глядевших в лицо смерти советских людей не было предателей. Тогда комендант отобрал 15 мужчин и передал их конвоирам, у которых в руках уже были веревки. Немцы привели этих людей к дому № 32 на Пролетарской улице, открыли ворота и на перекладине этих ворот повесили пятерых. Остальным комендант сказал: „Ступайте по домам, собирайте сведения о коммунистах, партизанах и красноармейцах и докладывайте мне, иначе вы также будете повешены“.

Рассказы многочисленных очевидцев — жителей Воронежа, переживших ужасы фашистского плена, а также снимки, захваченные у немцев при их поспешном бегстве из Воронежа, дают возможность установить, что на улицах города в течение июля-августа 1942 года были повешены многие десятки мирных советских граждан.

Казни производились на Проспекте Революции — у Дворца Пионеров, Первомайского сада, Дома Книги, на улицах Сакко и Ванцетти, Пролетарской, Кирова, Степана Разина, 20-летия Октября и в других местах. Гитлеровские негодяи вешали советских людей на дверях и воротах домов, на телеграфных столбах, деревьях и специально сооруженных виселицах.

Все эти казни совершались публично, и часто, вынув из петли труп казненного, немцы вешали на его место свою очередную жертву.

Токарь завода имени Ленина Анна Алексеевна Лебедева рассказывает об ужасной картине, невольной свидетельницей которой пришлось ей быть.

Раненая во время бомбежки Лебедева в дни июльских боев за Воронеж находилась на излечении в Плехановской больнице. Вскоре после вступления немцев в город, в палату, где лежала Лебедева, вбежала испуганная медсестра и сообщила, что только что приходил немецкий офицер и потребовал очистить от больных помещение больницы. С трудом поднявшись на ноги, Лебедева с помощью костылей двинулась к себе домой на улицу Льва Толстого.

— Примерно около часа дня я добралась до площади 20-летия Октября и здесь увидела ужасную картину. У памятника Ленину стояли две виселицы. На одной из них висела девушка 20—22 лет, под правой рукой у нее была зажата какая-то книга. Одета она была в белую блузку и черную юбку. Я не смогла разглядеть ее черты лица, — немцы не подпускали близко. Труп ее еще покачивался из стороны в сторону. На другой виселице была повешена женщина 30—35 лет, одетая в голубое платье. На груди у нее висела фанерная дощечка с какой-то надписью. У виселицы под конвоем немецких солдат стояло несколько человек советских граждан, которых также ожидала казнь. Немцы при мне сняли повешенную девушку и на ее место повесили мальчика лет двенадцати. Один из прохожих сказал мне, что это — сын казненной жен-

щины. Я не могла больше смотреть на эти зверства и поспешила уйти.

Глумясь над патриотическими чувствами советских людей, фашистские подлецы повесили на площади 20-летия Октября на руке статуи памятника В. И. Ленину молодую девушку, поспешив запечатлеть совершенное кощунство на фотоснимке.

Установить точное число замученных, убитых и казненных немецкими оккупантами в Воронеже советских людей чрезвычайно трудно, так как в конце лета 1942 года все жители были изгнаны немцами из города и о судьбе многих из них до сих пор ничего неизвестно. Но даже те далеко не полные данные, которыми мы располагаем сегодня, неоспоримо свидетельствуют, что количество мирных жителей, замученных немцами в Воронеже, исчисляется многими тысячами.

В течение июля-августа 1942 года свирепствовали немецкие звери, истребляя мирное население Воронежа. Но особенно кошмарные размеры принял фашистский террор в дни, когда немцы, чувствуя непрочность своего положения, решили завершить свои преступления полным изгнанием воронежцев из родного города.

Выселение жителей из Воронежа осуществлялось самыми бесчеловечными методами и сопровождалось поголовным ограблением выселяемых и массовыми убийствами,—в первую очередь больных, стариков и детей...

Отселяя улицу за улицей, начиная от северных и восточных окраин города, оккупанты зачастую предоставляли жителям только несколько минут, чтобы покинуть родной кров. Специаль-

ные отряды убийц, среди которых особенным зверством отличались находившиеся в составе фашистских войск финны, прочесывали город, беспощадно уничтожая всех, кто по какой-либо причине не успевал покинуть запретную зону в установленный немецким командованием срок.

После освобождения города от немцев при уборке двора, примыкающего к заводу имени Ленина, были обнаружены под снегом 9 трупов, лежавших рядом, вплотную друг к другу. Так как трупы разложились, опознать их не представлялось возможным. Только в кармане одежды одного из них был найден паспорт на имя Ивановой Евдокии Павловны, 1883 года рождения, уроженки г. Фролова, Сталинградской области, проживавшей в г. Воронеже.

Однако нашлись очевидцы преступления, совершенного здесь немецко-фашистскими извергами. Вот что рассказывают Фекла Никитична Цуканова и Н. Д. Жарких:

— Немцы согнали нас во двор завода имени Ленина, откуда мы должны были следовать в село Хохол. Тех, кто не мог сам идти, офицер приказал солдатам расстрелять. У нас на глазах было расстреляно 9 стариков и старух.

На улице 9 января в доме № 30 немцы застрелили 70-летнюю Наталью Федоровну Преснякову, которая не могла передвигаться без посторонней помощи. Труп Пресняковой фашистские изверги выбросили на балкон.

На Вольной улице были убиты старики Дьячук Гавриил Иванович и его жена Федора Васильевна.

Трагическая история Дьячуков—одна из многих, разыгравшихся в эти черные дни в Воронеже. О ней рассказала их соседка Ирина Николаевна Максимова.

— Не помню, какого числа в августе немцы об'явили о выселении нашей улицы. Я решила сбегать к Дьячукам—узнать, думают ли они выезжать. Подошла к их двору и вижу, что там—немцы. Вернулась обратно и говорю своим домашним: „Давайте скорей собираться, а то как бы чего плохого не было“. Вышли мы на улицу и видим, что возле нашего дома лежит на земле старый Дьячук. Рядом стоит тележка с вещами. Я подбегаю к нему и говорю: „Гавриил Иванович, давай скорей уходить“. А он мне отвечает: „Не могу я итти,—видишь—оступился, ногу сломал“. Тогда я говорю его старухе: „Федора Васильевна, положим его на тележку, как-нибудь, авось, довезем“. Но она мне тоже отвечает: „Куда мы пойдем, — мы оба больные. Итти не в силах“. Так и остались, не пошли...

Полузасыпанные землей трупы Дьячуков были найдены во дворе дома № 28 на Вольной улице. Было видно, что прежде чем убить слабых, беззащитных стариков, немецкие изверги долго издевались над ними. У Гавриила Ивановича и Федоры Васильевны были отрезаны носы, головы разбиты прикладами, на груди виднелись огнестрельные раны.

Во дворе дома № 5 на Задонском шоссе немецкий комендант расстрелял Алексея Митрошина, который не успел из-за болезни жены в течение 5 минут, предоставленных ему немцами, покинуть квартиру. Убив Митрошина, фашист-

На улице Челюскинцев в доме № 45 была расстреляна еврейская семья, состоявшая из трех сестер Кривчер и Гуревич и их трех малолетних детей. Рассказ соседки Кривчер Евгении Сергеевны Лариной показывает, что, совершая это злодеяние, немецкие солдаты руководствовались специальными инструкциями фашистского командования:

—Когда нас стали выселять, немцы обращали внимание на графу в паспорте „национальность“. При проверке паспортов у сестер Кривчер и Гуревич немцы обнаружили, что они евреи, сразу задержали их и повели вместе с детьми во двор. После этого я слышала выстрелы.

Трупы сестер Кривчер и Гуревич и их детей, зверски убитых немцами, были найдены во дворе дома № 45 после освобождения Воронежа.

На Средне-Московской улице немцы расстреляли стариков евреев Иоффе Якова Соломоновича и его жену Евгению Борисовну. Свидетельницей этого убийства была Наталья Ивановна Маркина, соседка Иоффе.

—Группа пьяных немецких солдат выволокла на улицу стариков Иоффе и с криками „иуда!“ ударами прикладов погнала их во двор, — рассказывает она. — Через несколько минут я услышала выстрелы. Я заглянула в ворота и увидела, что возле щели лежали убитые старики Иоффе. Немецкие солдаты обыскивали их карманы.

Вот уже год прошел со дня освобождения Воронежа от немецко-фашистских банд, но и до сих пор вскрываются все новые и новые факты чудовищных злодеяний, совершенных врагом в нашем многострадальном городе. Даже своей смертью не смогут искупить немецкие

звери преступлений, совершенных ими на воронежской земле. Нет той меры, которой можно было бы измерить нечеловеческие страдания, причиненные гитлеровцами нашим людям, нет той кары, которая могла бы удовлетворить наше справедливое чувство мести.

Сейчас мы имеем возможность восстановить подробности еще одного кошмарного преступления, совершенного презренными палачами при выселении жителей из Воронежа.

27 августа 1942 года к зданию школы № 29 на улице 20-летия Октября под'ехало несколько грузовых машин, крытых брезентом. В этой школе помещался госпиталь для гражданского населения, пострадавшего от воздушных бомбежек. Раненые, искалеченные люди не могли покинуть Воронеж в момент занятия его врагом. Они находились в ужасных условиях, лишённые медикаментов и продуктов питания. Не было даже воды. Те, кто мог передвигаться, под обстрелом спускались к речке и приносили тяжело раненым несколько глотков воды...

Прибывшая с грузовиками немецкая охрана об'явила, что госпиталь эвакуируется из Воронежа в села Орловка и Хохол, и приказала раненым грузиться на машины...

Потом машины двинулись в путь. Выезав за город, они свернули в сторону от дороги и вскоре остановились. Немецкие солдаты потребовали сдать ценные вещи и выйти из машин. Беспомощных, слабых людей фашистские негодяи сталкивали в овраг, заставляли ложиться лицом к земле и в упор расстреливали. Они не щадили никого—ни стариков, ни молодых женщин, ни грудных детей, которых матери в безысходном

ужасе прижимали к груди, стараясь своим телом защитить от смерти.

До вечера приезжали и уезжали машины с обреченными, до поздней ночи гремели выстрелы, слышались стоны истязуемых и пьяный смех гитлеровских дикарей.

Лишь одной из тех, кто был погружен в эти машины смерти, Анне Федотовне Поповой—работнице Маслопрома—удалось избежать этой страшной участи. Вместе с другими она лежала в песчаной могиле среди трупов расстрелянных, ожидая, казалось, неизбежного конца, но фашистская пуля случайно миновала ее и, когда все вокруг стихло, Попова выбралась из-под мертвых тел и ползком добралась до пустого домика на окраине города...

Она осталась жива. Рассказ ее звучит грозным свидетельством против немецких палачей. Голос ее должна услышать вся наша страна, чтобы еще беспощадней стала рука советского бойца, несущего отмщение подлому врагу.

—От'ехав недалеко от города, машины остановились на некотором расстоянии одна от другой. Мы, находившиеся во второй машине, думали, что остановка вызвана тем, что у идущей впереди машины что-нибудь случилось с мотором. Один из мужчин раздвинул брезент и, посмотрев наружу, сказал нам, что нас привезли расстреливать. Я не поверила этому, но тут к нашей машине подошли немецкие солдаты и, откинув брезент, приказали всем выходить. Нашим глазам представилась ужасная картина. Мы находились возле оврага, в котором лежали трупы расстрелянных людей из первой машины. Фашистские подлецы принуждали нас ложиться

на эти трупы лицом вниз. Мне запомнилась маленькая девочка, ехавшая с нами на машине. Ее мать была погружена немцами на первую машину. Девочка с плачем спрашивала:—где моя мама? Один из палачей ответил ей на русском языке, указывая на убитую женщину:—она здесь,—ложись рядом... Не ожидая спасения, я легла на землю и закрыла голову пальто лежавшей рядом застрелянной, еще теплой женщины, чтобы не видеть происходящего вокруг ужаса. Немного погодя я почувствовала, как кто-то лег сверху, приняв меня должно быть за мертвую. Потом послышались выстрелы. Я почувствовала, как меня облило кровью, хотя я сама не была задета пулей. Наконец выстрелы стихли и нас начали засыпать землей. Предпочитая, чтобы меня застрелили, чем быть закопанной живьем, я хотела поднять голову, но тут послышалась какая-то команда, немцы погрузились на машины и уехали. Подождав немного, я выбралась из-под трупов и спряталась в бурьяне. Я видела, как машины приходили и уходили еще несколько раз. Расстрелы продолжались до вечера. Несколько дней я просидела в пустом домике на окраине города. Потом с помощью людей, которых немцы выселяли из Воронежа, мне удалось добраться до села Никольское, где я и дождалась прихода советских войск.

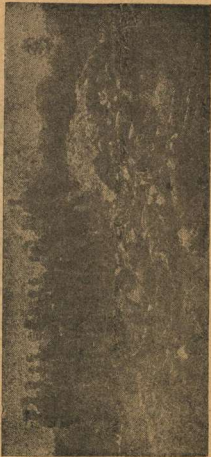
Три дня с 7 по 9 октября 1943 года производились раскопки страшной могилы в Песчаном логу. 450 трупов мирных воронежских жителей, в том числе 35 детских трупов было извлечено из оврага. Душераздирающие сцены раскрывались здесь. В обезображенных полусгнивших трупах люди опознавали своих родных,—отцов, матерей,

жен и детей, об ужасной судьбе которых они только теперь узнали.

Фашистские палачи рассчитывали совершить свое подлое преступление втайне. Они думали, что не останется живых свидетелей, которые смогли бы рассказать о трагедии в Песчаном логу. Но живые и мертвые обличают их. О лицемерном обмане, которым гитлеровцы хотели прикрыть свое злодеяние, рассказывает Никифор Савельевич Меньшиков, опознавший среди убитых свою жену.

—В числе раненых, находившихся в школе № 29, была моя жена Ульяна Дмитриевна Меньшикова, работавшая ранее на беконной фабрике. Я также некоторое время пробыл в этом госпитале после контузии, но за день до объявления немцами эвакуации, выписался оттуда. Уверенный, что мою жену эвакуируют за Дон, как об этом объявил немецкий офицер, я сам помогал ей грузиться в машину, рассчитывая встретиться с ней в Орловке или в Хохле, так как через эти села лежал путь воронежских жителей, изгоняемых немцами из города. Однако, добравшись через несколько дней пешком до Орловки, я не нашел там своей жены. Не было ее и в Хохле. Тогда я обратился к немецкому коменданту Хохольского района с просьбой сообщить мне— куда вывезены раненые воронежские граждане. Комендант, издеваясь, ответил мне: „Мало ли существует других мест, куда они могли быть отправлены“.

Данные медицинской экспертизы свидетельствуют, что расправа фашистских убийц с беззащитными людьми в Песчаном логу сопровож-

Гитлеровцы любят кровавым делом своих рук.
(Этот снимок массового расстрела советских людей найден у убитого немецкого солдата).

далась исключительной жестокостью. В акте зафиксировано:

„В результате осмотра, произведенного судебно-медицинскими экспертами, установлено, что в большинстве случаев трупы имеют огнестрельные пулевые ранения черепа с входным отверстием в затылочной области и выходным — в лобно-теменной и височной. Выстрелы производились вплотную, на что указывают трещины костей черепа (действие пороховых газов). Кроме того имеются грубые травматические повреждения, нанесенные тупым орудием, видимо, прикладом винтовки, в лицевую часть черепа.

Трупы детей и подростков также имеют пулевые повреждения черепа с входными отверстиями со стороны затылка. На многих трупах имеются гипсовые повязки на верхних и нижних конечностях, а также марлевые повязки головы и туловища. У некоторых трупов протезированы ноги. Кроме того, из ямы извлечено много костылей. Все это свидетельствует, что расстрелянные являлись ранеными и инвалидами и полностью подтверждает показания свидетелей о расстреле немцами мирных советских граждан, находившихся на излечении в здании школы № 29“.

Истребление немцами воронежских мирных жителей продолжалось и после выселения из города.

9 мая 1943 года в Поповом логу на территории 1-го Старо-Никольского сельсовета, Хохольского района, была обнаружена яма, наполненная человеческими трупами. Всего из ямы было извлечено 77 полуразложившихся трупов мужчин, женщин и детей. У некоторых убитых были завязаны глаза. К груди одной из женщин был

привязан ребенок полутора лет. Вместе с трупами в яме находились различные вещи домашнего обихода: женские сумочки, катушки ниток, чайные и столовые ложки, чайники, кружки и т. п. На трупах имелись пулевые раны, тут же валялись стреляные гильзы от немецких автоматов. В карманах некоторых трупов были найдены документы, позволившие установить, что расстрелянные являлись мирными воронежскими жителями, выселенными немцами из города. Таким образом были опознаны: зубной врач М. Л. Жарковская, портниха С. К. Козловская, рабочий завода имени Дзержинского А. А. Сигаев, Е. М. Михельсон и другие.

Местные жители рассказывают, что в один из сентябрьских дней 1942 года из села Хохол, где находился немецкий пропускной пункт, в направлении Попова лога были отправлены под немецкой охраной две машины, наполненные советскими гражданами, вскоре после чего были слышны выстрелы.

17 и 18 июля 1943 года были произведены раскопки 14 ям на территории села Девица и 2 ям на территории совхоза имени Сталина, Семилукского района,—в тех местах, где, как сообщили местные жители, фашистские бандиты расстреливали советских людей. Из ям было извлечено 74 трупа, носивших следы страшных издевательств и мучений. Судебно-медицинская экспертиза установила, что некоторые из жертв фашистских негодяев были зарыты в землю еще живыми. Документы, сохранившиеся в карманах одежды убитых, свидетельствуют, что большинство среди них—жители Воронежа, изгнанные немцами из города. Были опознаны: рабочий

одного из воронежских заводов Александр Петрович Колдаев, ученик 14-й средней школы г. Воронежа Вячеслав Васильевич Кожухов, студентка Анна Петровна Базанова, инвалид Тихон Николаевич Голомедов и другие. Из рассказов местных жителей стали известны страшные подробности совершенных здесь немцами злодеяний.

Вот что рассказывает колхозник Иван Митрофанович Заострожных:

—Расстрелы советских людей происходили в августе и сентябре 1942 года. Заправляло этим злодейством немецкое гестапо с начальником по имени Поль. Я сам видел, как по утрам немцы вели наших русских товарищей, говоря, что это: „рус партизан“. На расстрел обычно вели по несколько человек. Однажды откуда-то привели группу наших, и гестаповец с нашивками „ГФП“ (германская полевая полиция) выстрелил на улице в одну девушку, которая тут же умерла. Раз, помню, повели расстреливать двух юношей. Поставили их около ямы. У одного парня немцы стали стаскивать пиджак и сапоги. Парень сопротивлялся, а потом сбросил с себя и сапоги и пиджак и быстро побежал от ямы к посевам подсолнуха. Долго бежал, с полкилометра. Немцы в него стреляли, а он все бежал. Тогда за ним пустились автоматчики, а он все убегает. Потом его ранили в ногу, догнали и от подсолнуха волокли к яме, где вместе с другим парнем замучили до конца. Помню, еще, другой парень, по фамилии Ходыкин, был расстрелян немцами. Он о себе на дощечке написал и перед смертью ее в соломе оставил...

Ужас вселяет в сердце рассказ колхозницы Натальи Ильиничны Маковкиной:

—Было это в августе или в сентябре 1942 года. Зашла я перед вецером к своей куме, проживавшей недалеко от больницы. Гляжу, к больнице немцы группу наших ведут. Ну думаю, опять на расстрел ведут. Вели тогда пять человек: мужа и жену, двух подростков и уже пожилого мужчину. Женщина все время плакала и обращалась к немцам-конвоирам со словами: „Я не виновата. Не виновата“. По дороге она упала в окоп, муж ее поднял, а немцы все толкали: „Иди, рус, иди!“. А она, бедняжка, все плачет: „Не виновата... у меня трое детей“. Все эти пять человек были расстреляны. Как-то одну воронежскую артистку расстреливали, фамилии ее не помню. Перед расстрелом немцы стали ее насильно раздевать, а она кричала: „Кровопийцы, паразиты! Все равно вам конец будет, вот придут наши!“. Потом сняла с себя что-то, кажется кофточку и, бросив ее, закричала: „Нате, собаки! А часы не дам. За часами прыгайте со мной в яму“. И прыгнула в яму. В нее немец в упор стрелял.

Бесчисленны преступления, совершенные фашистскими оккупантами в селах и городах Воронежской области. Кровью мирных советских людей залита воронежская земля. Кажется нет на свете таких пыток и издевательств, которых не изобрела бы для своих жертв воспаленная фантазия кровожадных фашистских убийц, одетых в мундиры солдат германской армии. Нет ни одного города, ни одного села и хутора, где после пребывания оккупантов не слышался бы

плач сирот и святая невинная кровь не взывала бы к мщению.

В селе Никольском на Еманче, Хохольского района, немцы и венгры замучили и расстреляли 34 человека. Здесь расстреляна колхозница Асташкова и ее четверо детей. Гитлеровцы на глазах у матери расстреляли детей—двухлетнего ребенка, дочь 18 лет, сына 12 лет и дочь 25 лет. Последней была расстреляна сама мать, потерявшая сознание. Убита старая колхозница Землянухина. Палачи заставили старуху саму копать себе могилу и несколько раз примерять ее, ложась туда лицом вниз. Группа колхозников укрылась в убежище. Магьяры вытащили оттуда Князеву П. С. и забили до смерти. После этого в убежище посыпались гранаты, от взрыва которых погибли: Князева А. М., Князева Е. И., Князева М. И., Полухина П. П., Полухин П. С. Ночью магьяры ворвались в дом колхозницы Поповой Д. Е. После зверских пыток и издевательств они закололи ее. Тут же были расстреляны ее родственники Попова Е. С., Попова В. В. и двенадцатилетняя Попоза Е. С. Из всей семьи уцелели только два ребенка, которые при появлении магьяр спрятались под лавку.

29 июля 1942 года немецкие звери замучили на станции Латная четырех человек: работников завода № 8 Николая Никифоровича Агеева, Ивана Антоновича Цицилина, Василия Федотовича Колоскова и жену секретаря парторганизации завода Евдокию Нестерову. По дороге к месту казни палачи спустили на своих жертв собак. Со смехом и гиканьем травили фашистские выродки наших людей, наслаждаясь их мучением.

И лишь вдоволь позабавившись, расстреляли их у железнодорожного моста.

Чудовищное злодеяние было совершено немецкими оккупантами в психолечебнице „Орловка“, Гремяченского района, Воронежской области. Здесь в период с 4 июля 1942 года по январь 1943 года немцы расстреляли 720 человек, из них 700 душевнобольных, двух лечащих врачей—Груздь С. Е. и Резникову Р. Л. с ее грудным ребенком, 13 раненых советских бойцов и 5 женщин, выселенных из г. Воронежа. Массовый расстрел душевнобольных в Орловке производился по приказу генерала германской армии Крицкафер.

Страшную бойню учинили гитлеровцы в рабочем поселке Гартмашевка 15 января 1943 года. Окруженные железным кольцом наступающей Красной Армии, чувствуя приближение своей гибели, они решили выместить свою звериную злобу на мирных жителях поселка — женщинах, детях, стариках. Расправа происходила одновременно в нескольких местах. Убийцы обходили дома, вытаскивали оттуда семьи железнодорожников и расстреливали их. Две семьи немцы загнали в погреб и забросали там гранатами. Они выпустили несколько очередей из автоматов по шевелившейся груде окрававленных человеческих тел, чтобы добить тех, кто еще оставался в живых. Негодяи не пощадили даже трехлетнюю Любу Фоменко и ее семимесячного брата Петю. Когда части Красной Армии заняли Гартмашевку, из-под истерзанных трупов были извлечены случайно спасшиеся от смерти, но тяжело раненые Ефросинья Марковна Драчева и ее пятилетний сын Коля.

Другую группу жителей поселка немцы загнали в узкий корридор жилого дома и в упор расстреляли разрывными пулями. Третья группа была расстреляна в будке путевого сторожа.

44 человека — из них 20 детей, — почти все население маленького железнодорожного поселка Гартмашевка, растерзали фашистские звери. Они не хотели, чтобы наши люди увидели светлый час своего освобождения.

Бойцы Красной Армии, освободившие Гартмашевку, в суровом молчании, склонив головы перед еще сочившимися кровью телами убитых, поклялись беспощадно отомстить немецким захватчикам за совершенные ими на нашей земле преступления.

VI.

Верность родине

Немецкие душегубы считали, что для советского человека нет ничего страшнее смерти, что под угрозой смерти — пытками и истязаниями им удастся заставить его смириться с фашистским „новым порядком“, изменить своей родине, забыть само слово — русский.

Просчитались гитлеровские негодяи! Ни пытки, ни расстрелы не сломили духа советских людей. Советские патриоты мужественно принимали смерть, но не покорялись захватчикам, не шли в услужение к немецко-фашистским бандитам.

В дом колхозницы П. Р. Баркаловой в селе Паршино, Нижнедевицкого района, ворвались немцы и стали забирать все, что им нравилось.

Четверо детей Баркаловой подняли плач. Фашистские мерзавцы, прицкнув на них, продолжали грабить.

— Бандиты! Вон из дома!—закричала Баркалова.—Вы ничего не получите на нашей земле, кроме своей смерти!

Немцы пригрозили ей расстрелом.

— Всех не перестреляете! А за каждого убитого русского человека поплатитесь десятками своих поганых голов,—ответила отважная женщина.

Бандиты расстреляли Баркалову и ее детей. В Нижне-Ольшанском сельсовете, Нижне-девицкого района, гитлеровцы пытались заставить депутата сельсовета Захара Тихоновича Битюцких, его брата Федора Тихоновича и Андрея Григорьевича Бортникова рассказать им, где расположены огневые точки частей Красной Армии.

Советские патриоты наотрез отказались отвечать на этот и другие подобные вопросы.

—Расстреляем,—зарычал немецкий офицер,—говорите!

—Ничего вы от нас не добьетесь,—ответил депутат сельсовета Битюцких,—а смертью нас не запугаешь.

Их расстреляли. Советские люди погибли, но не выдали лютому врагу военную тайну.

Стефан Степанцов из Сергеевки, Подгоренского района, всячески саботировал распоряжение оккупантов, уклонялся от работы на захватчиков и отказался выйти на строительство немецких укреплений. Бандиты приговорили его к смертной казни.

Ранним ноябрьским утром немецкий комендант приказал согнать на площадь всех жителей села. Собравшихся окружили автоматчики. Со

всех сторон толпы немцы выставили пулеметы и минометы.

— Ведут... вешать будут..., — пронеслось по толпе.

К виселице, построенной заранее, палачи вели босого, полураздетого Стефана Степанцова. Лицо его было в крови и синяках. Его долго истязали фашистские изверги, и теперь многие с трудом узнавали своего односельчанина — колхозника.

Немецкий комендант, коверкая русский язык, обратился к толпе. Он об'явил, что по приказу немецкого командования будет повешен Степанцов и предупредил, что то же самое ожидает всех, кто будет плохо работать.

Палач надел петлю на шею Степанцова и толкнул стул...

Гитлеровские мерзавцы не разрешили снимать труп. Три дня провисел Степанцов. После этого его зарыли в землю.

Но фашистские людоеды не достигли своей цели. Им не удалось превратить русских людей в бессловесных рабов. Колхозники попрежнему уклонялись от работы. Тогда гитлеровские негодяи решили напомнить колхозникам о смерти Степанцова. Они выкопали труп советского патриота и снова повесили.

Зимой гитлеровским бандитам пришлось расплачиваться за свои злодеяния на воронежской земле. Красная Армия перешла в наступление. Бандиты заметались из стороны в сторону. При отступлении из села Кравцовка, Ольховатского района, немцы схватили старика Михаила Трофимовича Скоробогатько и насильно посадили на танк:

—Будешь проводником! Указывай дорогу! Машина загрохотала и стремительно двинулась вперед.

—Лучше умру, чем служить врагу. Лучше смерть, чем быть предателем Родины, — решил патриот.

Михаил Трофимович бежал, но был пойман. Немцы долго издевались над ним, били по лицу, проломили голову, перебили руки, но советский патриот не предал свой народ, свою отчизну. Взбешенный офицер приказал расстрелять старика. Ни просьб сохранить жизнь, ни стоны не услышали немцы. Патриот Скоробогатько мужественно принял смерть, твердо веря в святое правое дело советского народа, в дело партии Ленина—Сталина.

Магьяры арестовали комсомольца Василия Бублик, колхозника артели „Искра“, Алексеевского района. Они требовали от него выдать им военную тайну. Его били, пытали, но юноша молчал. Палачи втискивали руки Василия в дверную щель и закрывали дверь. Хрустели кости. Но несмотря на невыносимую боль, юный патриот не проронил ни слова. Тогда изверги стали выдергивать ногти из пальцев. И это не помогло бандитам. Не добившись ничего от Василия Бублик, душегубы решили расстрелять его.

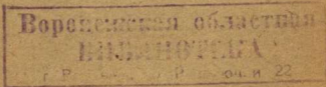
Темной ночью они вывели его к железнодорожному полотну южнее кирпичного завода промкомбината. Щелкнули затворы. И тогда советский патриот, комсомолец Василий Бублик громко крикнул:

—Да здравствует Родина! Да здравствует Сталин!..

* * *

Снова жизнь вернулась на воронежские поля. Из пепла пожарищ восстанавливаются разрушенные врагом наши города и села. Не покладая рук, трудятся советские люди, залечивая страшные раны, нанесенные нашей области немецко-фашистскими захватчиками.

Далеко на запад отброшены гитлеровские банды. Победоносно идет вперед под водительством великого полководца Маршала Сталина Красная Армия, очищая советскую землю от проклятых захватчиков. Близится час расплаты. За все совершенные преступления сполна ответит враг. Ни одна материнская слеза, ни одна капля невинной крови расстрелянных фашистами советских людей, не останется неотомщенной. Единым усилием фронта и тыла куется наша победа. Пламенная любовь к родине и неугасимая ненависть к врагу удесятерят наши силы. Фашистский зверь будет уничтожен.

Редактор Т. Себастьянова

Подписано к печати 15/1—1944 г. Печатных листов 2,75.
Знак в печ. листе 32000. Авт. лист. 2,5. Тир. 10 100 экз.

